

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОРДОВСКОГО ОБРЯДА БРАКОСОЧЕТАНИЯ: обычаи похищения и купли-продажи невест

В. И. РОГАЧЕВ,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики обучения литературе
ФГБОУ ВПО «МГПИ имени М. Е. Евсевьева»*

Е. Н. ВАГАНОВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

М. С. ВОЛКОВА,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «МГПИ имени М. Е. Евсевьева»
(г. Саранск, РФ)*

Мордовская свадьба – с ее торжественностью, театрализованным обрядом, элементами народного драматического спектакля, обилием развлекательных, игровых, песенных сцен и эпизодов, красочностью национальных костюмов, глубокой лиричностью песен, сердечностью причитаний – всегда была одним из самых значимых событий в жизни народа.

Структура мордовской свадьбы, число персонажей, участников, характер и особенности песен всецело обуславливались формой заключения брака. В конце XIX – начале XX в., во времена существования традиционной свадьбы, основной формой было сватовство невесты родителями жениха. Реже встречалась «самокрутка», когда парень с девушкой сговаривались без ведома родителей девушки, венчались в церкви, после чего брак считался свершившимся. Еще реже встречался брак умыканием, когда мордва добывала жен, похищая их. Такие же близкие по типологии формы заключения браков в старину можно было наблюдать и у соседей мордвы – русских: «законные, предусматривающие семейную договорен-

ность о браке, сватовстве с церковным венчанием и народный свадебный обряд; браки “на веру”, сопровождавшиеся свадебным обрядом, но без венчания; браки тайные – “уводом”, “убегом”, без законного оформления и без свадьбы» [11, 421].

По хронологии похищение относится к наиболее древним формам организации брака и свадьбы. Предположительно оно возникло как продолжение обычая захвата женщин из чужого рода [15, 141]. Ученые теряются в догадках о том, как появился этот способ: «...возник ли он на почве нужды в женщинах, в которой могли оказываться отдельные роды, или явился одним из последствий борьбы родов вообще» [15, 142]. Похищение невест, несмотря на запрещение правительства, сохранялось у мордвы и после обращения в христианство [5, 334].

Практика умыкания считается древнейшим и универсальным способом заключения брака. Условно умыкания можно подразделить на враждебное, мирное и формальный захват. Под первым подразумевается насильственное похищение девушки, под вторым – похищение с ее согласия и без

ведома или с ведома родни, под третьим – имитация похищения. Эти три формы бытовали у мордвы вплоть до начала XX в. Увозились обычно девушки из другого рода, из отдаленной деревни, чтобы легче было укрыться от преследования и невеста не могла бы убежать домой. В свадебных обрядах мордвы недавнего прошлого в сцене увоза невесты из отцовского дома особенно ярко отражаются переживания из эпохи умыкания невест [15, 141].

Невесту вместе с подругами заворачивали в *кенде* (кошму), укутывали в занавес, загибали вожжами и выносили из дома [20, д. 75, л. 29]. Среди свадебных персонажей центральной фигурой является *уредев*. Данный термин на русский язык фольклористами переводится как «дружка», хотя ролевые функции этих персонажей не совпадают, что отмечено исследователями. «Той идеи, которая заключается в русском слове “дружка”, уредев в себе не заключает», – пишет И. Н. Смирнов [15, 141–142]. Сам термин в мордовском-эрзя языке имеет два значения, одно из которых – «делатель, добыватель рабыни», а другое – «шафер» [21, 696]. В Симбирской губернии еще в XIX в. соблюдался древний обычай: уредев вместе с *покиш кудат* (поезжанами) «...с вечера приезжает за невестой, а летом останавливается табором около околицы – как делалось это в старину, когда невесту действительно похищали. В дом невесты они являются уже не ночью, а ранним утром и проникают в него только после подачи. Здесь их угощают, невеста скоро прощается с родными, поезжане подхватывают ее, тащат в кибитку и везут – в настоящее время в церковь, в языческую пору, конечно, прямо в дом жениха» [15, 142].

Обряд похищения, ведущий свое начало с далекой древности, сохранялся и в XVIII–XIX вв. Членом академической экспедиции И. И. Лепехиным он зафиксирован у черемшанской мордвы: «...неимущие, которые не в состоянии дать выкуп за невесту, стараются подцепить где-нибудь девку удальством: подговаривают шайку удалых ребят и тайно приезжают в ту деревню, где подговорена девка; а иногда с базаров и других мест увозят противу воли девок» [7, 173–174]. Нередко похити-

телями были родственники, дружка и поезжане. Часто прибегали к имитации похищения невесты. Фиктивные похищения (по предварительному сговору с девушкой) практиковались повсеместно и совершались при самых разнообразных условиях: иногда самим женихом, иногда – женихом с товарищами, а подчас и главой семейства с его братьями либо сыновьями.

О распространенности умыкания в мордовской среде свидетельствует национальный фольклор. В древнем сказании «Пенза ды Сура» один из героев Морго в ответ на отказ девушки Суры выйти за него замуж говорит ей:

Бути а молят парсо – салатан!
Сядо панжама экшес кекшезат,
Тостояк, тейтерь, мон тонь таргатам.

Если не пойдешь за меня – украду!
Даже если за сто замков ты спрячешься,
И оттуда тебя я, девушка, выкраду. [10, 27]

В песне «Моро Чимбулат атядо» («Песня о старике Чимбулате») главный герой не представляет себе иного способа женить сыновей, как добыть им невест умыканием.

Обнаружив двух девушек, собирающих ягоды, Чимбулат решил насильно захватить их:

Косо стардынзе, тосо кундынзе.
Уш кедест-пильгест солмсинзе,
Сон кильдень ракшас путынзе.

Где застал, там и поймал.
Руки-ноги связал им,
На запряженную повозку положил. [23, 262]

О распространенности похищений невест в старину говорит тот факт, что в устной поэзии находят одобрение действия Чимбулата:

Сон седикелень койтнесэ
Уш урьвакстынзе церанзо,
Истя саинзе урьванзо,
Нишке пазось сынэт вечкинзе.

Он по старинному обычаю
Поженил сыновей своих,
Так он взял снох своих,
Бог Нишке полюбил их. [23, 262]

О том, что мордва длительное время прибегала к данному способу, есть множество свидетельств. Интересные сведения приводит П. И. Мельников. Парень, заметив хо-

рошую девку или узнав о такой по слухам, подговаривал родственников идти за женой. Выглядело это следующим образом: «Отправляются в деревню тайком и стараются застать девку в поле, или на ключах, ну словом, где-нибудь, только непременно под открытым небом. Девку хватают и увозят. Между тем похитители гнали лошадей во всю мочь и, подъехавши к первому амбару своей деревни, запирали туда жениха с невестой на трое суток. Каждый день утром и вечером стучали в дверь амбара поленом, приговаривая: “свикайтесь, свикайтесь, свикайтесь”. На четвертый день, рано утром все родственники собирались к амбару, отпирали молодых и поздравляли их с законным браком. Затем пир горой, песни, пляски, музыка...» [9, 110]. Умыкание не отменяло свадьбу, а ускоряло ее, отсекая наиболее насыщенный и значительный в поэтическом плане предсвадебный этап, сразу подводя ко второму.

Случаи насильственного увоза приводятся М. Е. Евсевьевым со слов матери, которая рассказала о похищении девицы из соседнего с ними дома: «Увидев вооруженную толпу преследователей, похитители бросили невесту, подводы с лошадьми и разбежались по лесу. Дома выяснилось, что невеста уже обвенчана, и ее пришлось вернуть похитителям» [5, 334]. Подобная история произошла в с. Кабаево в 1914 г., когда «умыкнули дочь Нуштайкиных, которую только случай спас от насилия: похитителям пришлось везти ее мимо того дома, куда была выдана ее старшая сестра, разбудившая на крик сестры мужа и соседей, с помощью которых ее отбили...» [4, 373–374]. К. Фукс в 30-е гг. XIX в. писал о том, что у мордвы крадут невест. Жених делает это, «...не надеясь получить согласия родителей, не имея надежды к соединению браком. В этом случае избегали больших хлопот и свадебных расходов; скупые же были тому очень рады, потому что отец и мать невесты не обязаны давать бежавшей дочери никакого приданого, разве по доброй воле» [19, 12].

Похищения по предварительному приглашению с девушкой практиковались повсеместно. В архивах Уфимской духовной консистории находится дело за 1819 г., оза-

главленное «Брак мордвина деревни Кузайкиной, прихода Малыклов Мензелинского уезда, Тимофея Тимофеева с Марьей Прокопьевной без воли и согласия ее родителей». Его суть составляло следующее: невеста, узнав, что родители не выдадут ее замуж ранее 30 лет, договорилась с суженым, чтобы тот ее похитил с поля, где она «брала ягоды в Петров день. После чего молодые были повенчаны в селе Порутчиково» [1, л. 7–8]. Описанная форма брака известна у мордвы под названием *лисезь тугема* – «самокрутка»: девушка убегала от отца и матери, выходила замуж и передавала своему мужу тайно от семейных все свое имущество. Типологически сходными были умыкания девушек с их согласия и без ведома родителей у карелов [16, 41].

К отголоскам умыкания можно отнести эпизод, описанный И. Г. Георги, когда в момент укладывания молодых сопротивляющуюся невесту, посадив на рогожку, насильно относят к жениху в подклеть [3, 45]. Из традиции умыкания вытекают и такие эпизоды свадьбы более позднего периода, как заворачивание невесты в кошму, обрезание гужей, укрытие молодой в специально подготовленном доме, вынос на руках, запирание ворот, взятие девичьего городка поезжанами, погоня за куницей, наречение молодой новым именем. Например, в с. Алово Городищенского уезда Пензенской губернии при выносе укутывали невесту в кошму и перевязывали вожжами. В с. Трехболтаево (Чувашия) завертывали невесту, а в селах Сулла (Башкирия) и Алово – ее вместе с подругой [4, 239].

Хорошей иллюстрацией является пример, приводимый И. И. Лепехиным: «Двое из поезда берут невесту под пояс, а третий, главный дружка, за ноги и так ее выносят на двор. Невеста хватается руками за магицу и держится сколько есть сил; отец и мать, ближайшие сродники стараются развести ей руки и помогают вынести» [7, 175–176]. Активную роль играет уредев: как только вынесут невесту, он с саблей в руке оттесняет людей, требуя, чтобы невесте никто навстречу не попадался. Из избы никого не выпускают до тех пор, пока невеста не будет посажена в *он-аву* (в кибитку) и покрыта бе-

лой скатертью [7, 176]. Вся эта инсценировка восходит к временам настоящих похищений, когда была исключительно важна роль уредева. Двери запирались снаружи, чтобы не могли выйти домочадцы, невесту выносили силой, прятали в повозку, укутывая покрывалом, чтобы ее было незаметно.

Напоминанием об обряде похищения невест служит сцена борьбы у ворот; *торонь кандысь* (дружка) просит открыть приехавшим гостям, но в ответ слышит: «Вы не гости, а воры, вы пришли украсть девушку, давайте сперва деньги, потом отопрем». Иногда даже открывали «только после борьбы» [12, л. 3–5]. По сути, это была инсценировка насильственного похищения невесты женихом и поезжанами в момент приезда за ней свадебного поезда. Имитацией акта похищения являются сопротивление невесты, попытки ее уцепиться или прикоснуться к матице и косякам при выносе из родного дома.

Браки умыканием известны и у других народов. Так, у карелов уводили невесту «на уголке платка» вечером, во время посиделок: «...парень публично протягивал девушке уголок своего платка и, если она бралась за платок, уводил ее к себе домой» [16, 41]. Забирали девушек и в дни праздников, с вечеринок, бесед [16, 41]. Подобный обычай отмечен и у соседних с мордвой Поволжья чувашей [22, 243], у татар и башкир.

Брак «приведением» с элементами договоренности – довольно древняя форма организации свадьбы, которой пользовались еще поляне [11, 466]. В «Повести временных лет» «...поляне рассказываются: брачные обычаи имяху: не хожаше по невесту, но приведаху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче» [11, 466]. Умыкание по предварительному сговору процветало у славянских племен древлян, родимичей, северян, соседей мордвы – вятичей: «...и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съверщащися» [11, 466]. Ему предшествовали молодежные праздники, хороводы, игрища, совместно проводимые вечера. Довольно часто похищение невест происходило у источников, в местах купаний, на праздниках в честь богини «женитьбы» Лады, начинавшихся на Красную горку и продолжавшихся

до середины лета – дня Ивана Купалы [11, 466]. Большое распространение обряд хищения невест получил у народов Северного Кавказа [14, 265–269]. Утверждение о том, что настоящее умыкание никогда не было законным и широко распространенным способом заключения брака, «не совсем правомерно, т. к. это явление имело широкое бытование у значительного числа народов дореволюционной России» [14, 265].

В связи с тем что похищение насильное и с согласия девушки, но вопреки ее родне было сопряжено с опасностью погони, драками и даже убийствами, как это описано в некоторых источниках [9, 102–110; 15, 142], невеста чаще прибегала к браку уходом. Иногда это совершалось и с тайного согласия родителей, чтобы значительно сократить расходы на свадьбу. Исследователи свадебной поэзии и обрядов XIX в. отмечают: «...самоходка как жениху, так и невестину отцу становится по меньшей мере в пять раз дешевле против свадьбы, справляемой по всей форме» [17, 33].

Мотивы брака уходом – экономические: семья жениха стремилась избавиться от непомерных свадебных расходов, связанных со сватовством, предварительными подарками, угощениями. Семья невесты также желала уменьшить свою долю в них. К названному способу прибегала сельская беднота, не имевшая средств «отпраздновать многочисленные и дорогостоящие торжества традиционного свадебного обряда, которые были положены по сговору» [14, 267]. По типологии это была универсальная форма организации брака, позволяющая ограничить расходы на свадьбу и имеющая распространение у малоимущих слоев населения России вплоть до 20–30-х гг. XX в.

Обычай умыкания, рассмотренный нами, значительно упрощал структуру свадьбы: не выполнялись ритуалы предварительного этапа, сокращалось число участников и персонажей обряда (отсутствовала партия невесты). В результате уменьшалось и количество свадебных поэтических произведений, обеднялась палитра этого действия. Опускались утренние и вечерние причитания невесты, ее подруг, отсутствовали девичья баня, прощание с девичеством, не

звучали разнообразныe причеты, связанные с этими ритуалами, и т. д. В целом менялись настрои и эмоциональная окраска свадьбы. Она принимала усеченные формы, сокращалось время свадьбы, сужалось ее поэтическое пространство.

К периоду развития экономических отношений относится другая форма бракосочетания – купля-продажа невест, отчасти заменившая такой способ их добывания, как умыкание. Мордовское общество с вступлением в товарно-денежные отношения постепенно выработало нормы обычного права, регламентировавшие поведение людей. На смену насильственным похищениям приходит узаконенное нормами сватовство невесты. Во время него совершается, по сути, торговая сделка. В архивных источниках отмечено, что в старину форма бракосочетания состояла, с одной стороны, в купле невесты, с другой – в ее продаже: покупал жених или его род; продавал невесту ее отец и весь его род [20, д. 33, л. 45 об.].

В брачных обрядах и песнях мордвы сохранились воспоминания о том времени, когда девушки покупались и продавались. За невесту платили цену (*нитне, калым, воявор, той* – «цена, плата»). Отмечено, что «...отец продает дочь как свою собственность; жених или его род покупают ее как вещь, которой может распоряжаться по усмотрению» [15, 149]. То, как широко трактовались права на купленную женщину, можно представить по воспоминаниям, сохранившимся к XVIII в. Из них становится ясно, что в старину «мордва имела право продавать своих жен с нажитыми детьми, когда они им не полюбятся, и брать других» [7, 173]. Исследователи XIX в. указывают, что «...значительная часть обрядов, сопровождающих мордовскую свадьбу, находится в связи с физической или фиктивной продажей невесты» [15, 150]. Деньги за продажу невесты у эрзи шли отцу и роду – в форме пропя, у мокши – передавались невесте. Эрзянская невеста в своих жалобах, обращенных к матери, упрекает ее за произвол:

Вина стопкадо миимик,
Ве кши сускомдо сэвими́к.

За стопку вина продала меня,
За кусочек хлеба отдала меня. [18, 17]

Типологически сходные песни, в которых осуждаются родители невесты, имеются у русских:

Пьяница-пропойца (Марьюшкин) батюшка
За мед пивовару,
Пропил (Марьюшку)
За медовый стаканчик,
За винную чару,
За сладкий калачик! [6, 124]

По мнению некоторых ученых, развитие полигинических браков начинается с момента, когда женщина становится предметом купли-продажи и ее можно приобрести без содействия других, как это было при умыкании. Прослойка богатых людей, князьков, *мурз, каназоров* и *кирди* («князей») получает возможность удовлетворять свою прихоть в меру своих покупательных способностей [15, 150].

Напоминанием о сделке служит то, что, по словам П. И. Мельникова, во время запыа у тeryохан идет чистая торговля: «...невестин отец запрашивает, потом уступает цену, наконец, дело слаживается. На стол невесте платится от 20 до 40 рублей асс. и никогда больше. После этой ряды начинается другая – ряда на венец (головной убор), она бывает от 30 до 60 руб. ассиг.» [9, 111].

О купле-продаже напоминает и такой момент, когда с прибытием свадебного поезда «братья» (или родственники) невесты бежали к воротам, чтобы задержать поезжан и заставить платить за «ворота» [13, 109]. Этот обычай упоминается и в песне свахи, которая перед отправлением свадебного поезда поет о том, как она выкупит ворота:

Покштнень казсынь сиясо,
Вишкинетнень пижесэ,
Ортаст панжсызь келейстэ,
Крышаст кепедьсызь сэрейстэ.

Я больших одарю серебром,
Маленьких медью,
Откроют они ворота широко,
Крышу поднимут высоко. [20, д. 74, л. 30]

В рассуждениях свахи слышатся отзвуки старинного обычая, когда девушка была «живым товаром». Такое положение сохранялось длительное время, претерпевая различные трансформации. Есть свидетельства, что в прошлом девушка продавалась и покупалась целым родом. В Нижегородской

губернии отец жениха отправлялся в дом невесты с вином для пропоя ее в сопровождении своей родни [15, 154; 9, III]. У эрзян Самарской губернии мать жениха обязана была обойти всю родню невесты и оставить в каждом доме по ковриге хлеба [8, 75]. В мордовских селах Симбирской губернии невеста утром в день отъезда искала защиту у родственников от чужих людей, совершивших сделку продажи с отцом [8, 90].

Родовыми защитниками девушки остаются непременно участники мордовской свадьбы – *урьвалят* (провожатые невесты). Их обычно бывает двое: родной брат и двоюродный. Они считаются заступниками и укрывают ее от поезжан, но, подкупленные ими, предадут сестру. У нижегородской мордвы-мокши цену за невесту назначали

всеми уважаемые старейшие представители рода – *ине атя* и *ине баба*, выполнявшие на *озксах* функции организаторов и распорядителей [8, 90]. Отражением свадебной сделки в виде покупки невесты является использование в поэзии и обряде слов *той*, *калым*, невеста называется в песнях «живой товар», «купленная сноха», а сваты именуют себя купцами [2, 391].

Купля-продажа невест в отличие от умыкания запускала весь свадебный фольклорно-обрядовый цикл, начиная со сватовства, предсвадебных причитаний и завершая отгостками третьего, послесвадебного этапа. Для этой свадьбы характерны открытость, публичность, полнота всех поэтических компонентов и многообразие произведений устного творчества народа.

Поступила 07.11.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Архив* Уфимской духовной консистории. 1819, 7-го июля. Д. № 14.
2. *Борисов, А. Г.* Мордовская свадьба как историко-этнографический источник // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 389–395.
3. *Георги, И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Георги. – СПб. : Тип. при Императ. АН, 1799. – Ч. 1. – 178 с.
4. *Евсеев, М. Е.* Мордовская свадьба / М. Е. Евсеев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.
5. *Евсеев, М. Е.* Мордовская свадьба // Избр. тр. : в 5 т. – Саранск, 1966. – Т. 5. – С. 7–341.
6. *Круглов, Ю. Г.* Русские свадебные песни : учеб. пособие / Ю. Г. Круглов. – М. : Высш. шк., 1978. – 215 с.
7. *Лепехин, И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году / И. Лепехин. – СПб. : Тип. при Императ. АН, 1771. – 538 с.
8. *Майнов, В. Н.* Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. – 267 с. – (Зап. РГО: т. XIV, вып. 1).
9. *Мельников, П. И.* Очерки мордвы / П. И. Мельников. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
10. *Радаев, К.* Пенза ды Сура : Кезерэнь пингень евтамот / К. Радаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – 220 с.
11. *Русские* / под ред. В. А. Александрова и др. – М. : Наука, 1999. – 828 с.
12. *РФ НИИГН.* Папка М. Е. Евсеева. «Мокшанская свадьба».
13. *Самородов, К. Т.* Мордовская обрядовая поэзия / К. Т. Самородов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 168 с.
14. *Смирнова, Я. С.* К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа) // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 265–269.
15. *Смирнов, И. Н.* Мордва : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Саранск : Тип. «Красн. Окт.», 2002. – 296 с.
16. *Сурхаско, Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.) / Ю. Ю. Сурхаско. – Л. : Наука, 1977. – 238 с.
17. *Терновский, А.* Свадьбы самохотки и моляны в мордовском селе Катмисе Городищенского уезда // Пензенские губернские ведомости. – 1867. – № 33–38.
18. *Устно-поэтическое творчество мордовского народа.* В 18 т. Т. 6, ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – 471 с.
19. *Фукс, К.* Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 г. // Журнал М-ва внутр. дел. – СПб., 1839. – Ч. 34, № 10. – 18 с.
20. *ЦГА РМ.* Ф. Р-267. Оп. 1.
21. *Эрзянь-рузонь* валкс – Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова и др. – М. : Дигора, 1993. – 803 с.
22. *Ягафова, Е. А.* Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX в. / Е. А. Ягафова. – Самара : ИЭКА «Поволжье», 1998. – 396 с.
23. *Paasonen, H.* Mordwinische Volksdichtung / H. Paasonen. – Helsinki, 1977. – Bd. VI. – 236 s.